

Н.Н. Ефремова

*Ведущий научный
сотрудник
Института
государства
и права РАН,
кандидат
юридических наук,
профессор*

Эволюция отечественного правосудия (судебные реформы XVIII—XIX вв.)

Судебная реформа, проводимая и пока не завершенная в нашей стране, обострила интерес к истории становления национального правосудия, его генезису и основным этапам эволюции. В современной историографии появилось большое число публикаций, посвященных истории судебной власти. Для автора эта тема профессионально имманентна, однако очевидно, что в рамках одной статьи исчерпать ее невозможно. Поэтому задача данного исследования — обобщение некоторых закономерностей, тенденций и традиций, присущих российской организации правосудия и проявляющихся в ходе радикальных судебных реформ прошлого и настоящего. Каждая из таких реформ отражала новый уровень в прогрессе правосудия, достигаемый в поступательном движении к идеалу. Путь этот тернист, случаются и временные отступления в виде контрреформ или деформаций, но вместе с тем неизбежен. Это вполне объяснимо — только правильно организованное правосудие способно создать прочные гарантии прав и свобод личности, правовой режим деятельности государственного аппарата, обеспечить законность и правопорядок в целом.

Правосудие выступает фактором цивилизации, прогресса и обновления в обществе, и в этом прежде всего выражается его социальная ценность. История судебных реформ позволяет проанализировать процесс модернизации судостроительства и судопроизводства, степень реализации целей усовершенствования суда и процесса в конкретные исторические периоды. Автор не ставит задачу полного и последовательного отражения в данной работе исторического развития судебной системы и процессуального права в России, а преследует лишь одну цель: выделить традиционные ценности и новационные элементы в организации отечественного правосудия в связи с наиболее масштабными судебными реформами, проводимыми в нашей стране.

Это положение в значительной мере иллюстрирует опыт судебной реформы 1864 г., законодательной основой которой были утвержденные 20 ноября 1864 г. Судебные Уставы (официальное наименование — Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства, Учреждение судебных установлений и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями)¹. Они определили новые демократические принципы судостроительства и процесса. Провозглашались отделение судебной власти от административной и несменяемость судей. Отменялся сословный принцип организации суда. Сокращалось число судебных инстанций —

---

¹ Судебные уставы 20 ноября 1864 года. Б.м., 1864.

с четырнадцати, составляющих дореформенную судебную систему, до трех: окружной суд, судебная палата, Сенат.

Помимо создания системы общей юстиции, был введен и новый местный суд — мировой. Он состоял из двух звеньев: мирового судьи (участкового или почетного) и съезда мировых судей. Местная юстиция создавалась для рассмотрения мало-значительных уголовных и гражданских дел и должна была решить задачу демократизации суда и приближения правосудия к населению, освободить общие суды от массы незначительных текущих дел. Мировой суд был призван применять право в таких областях, где до судебной реформы не существовало даже его признаков. Этот институт был нацелен на формирование гуманного правосудия и утверждение человеческого достоинства в менталитете российского народа.

Роль местной мировой юстиции заключалась также в том, чтобы малозначительные дела рассматривались быстро, без излишних формальностей, в доступной для населения выборной судебной инстанции, воплощавшей в жизнь мечту о суде «скором, правом, милостивом и равном...». Эти цели судебной реформы выражены в Указе, утверждавшем Судебные Уставы². Мировой суд был выборным, состав общих судов назначался императором по представлению министра юстиции. Уместно отметить, что сочетание принципов выборности и назначения при комплектовании судебного корпуса является традиционным для российской юстиции. Организации правосудия в России традиционно присуще также сочетание суда коронного, профессионального (субъекта государственной власти) и суда общественного, народного, например, в лице присяжных заседателей, созданного в ходе судебной реформы 1864 г., либо их исторических аналогов — народных заседателей в советском суде, сословных заседателей в дореволюционных судебных палатах, расправах, городских магистратах и земских судах. Суд присяжных являлся выразителем общественного, массового правосознания народных представлений о совести, справедливости, правде и был призван охранять права человека.

Разумеется, в различные периоды отечественной истории соотношение этих начал могло меняться, однако, как правило, сохранялся и воссоздавался в ходе реформ сам дуализм, хотя и в новых формах. При выборе последних реформатору, несомненно, следует учитывать принцип преемственности, традиционности, поскольку наибольшей стабильностью обладают такие государственно-правовые институты, которые опираются на национальные традиции, культуру народа. Вместе с тем было бы опасно абсолютизировать этот принцип. Традиционность имеет и обратную, негативную сторону — излишний консерватизм, тормозящий прогресс.

Поэтому, следуя по собственному пути развития, полезно использовать и зарубежные достижения. Подлинный прогресс цивилизации, в частности, правосудия как одного из ее факторов, связан с приобщением к общемировому опыту, к общечеловеческим ценностям, к всемирной культуре. Здесь мы сталкиваемся с явлением, ставшим своеобразной традицией, сопутствующей всем радикальным судебным реформам в России, — борьбой двух тенденций при выборе пути модернизации суда (это свойственно и реформам в сфере администрации): либо слепо копировать, заимствовать готовые зарубежные модели, либо сохранять исконные, «доморощенные» институты, подвергая их постепенной, последовательной модификации.

Каждый из этих путей в случае абсолютизации может завести в тупик. Достаточно вспомнить первую попытку создания независимого, отдельного от администрации суда в эпоху реформ Петра I. Заимствованные из Прибалтики образцы ландрихтеров (судей земель) не прижились в России, как и «доморощенные» городские и провинциальные судьи, их сменившие. Преемники великого реформатора

² Российское законодательство X—XX вв.: в 9 т. М., 1984—1994. Т. 8. М., 1991. С. 28 (далее — Российское законодательство).

вернулись к традиционному для феодализма совмещению функций управления и правосудия в руках губернаторов и воевод — представителей исполнительной власти на местах. Неэффективность деятельности последних привела к новой попытке, предпринятой Екатериной II, которая также стремилась отделить судебную власть от исполнительной на областном уровне, желая модернизировать юстицию в западноевропейском духе. Однако независимый от администрации суд не соответствовал социально-политической системе России того времени.

В целом реформа последней четверти XVIII в. вполне соответствовала социально-экономической и политической ситуации в Российской империи того времени, отвечала интересам привилегированных сословий, правовой статус которых был наконец оформлен законодательными актами. Новыми ценностями правосудия были признаны сословное процессуальное равенство, структурное разделение органов суда и администрации на местном уровне, элементы выборности в судебной организации, распространение прокурорского надзора за законностью на деятельность местных судов. Эти новации имели целью усовершенствование судопроизводства, модернизацию феодальной юстиции. Как и прежде, реформа суда проводилась синхронно с реформой управления.

Завершившийся процесс оформления сословий требовал создания для них особых правовых режимов. Правящее сословие дворян было недовольно отведенной ему в государственном управлении ролью, считая ее недостаточной, и требовало расширить свое участие в местном управлении, предоставить самоуправление, создать выборные дворянские суды. Нарождавшееся сословие горожан искало юридической защиты от притеснения дворян и желало, в свою очередь, создания особых судов для горожан.

Усиление крепостничества вызывало сопротивление крестьянства, а потому правительство не могло оставить без изменения статус черносошного казенного крестьянства, также заинтересованного в специальном управлении и суде. Однако частновладельческие крестьяне остались в прежнем статусе и режиме.

Эти сословные требования отражены в петициях, наказах и других материалах, поступивших в законодательную Комиссию 1767 г., созданную Екатериной II (ознававшей необходимость реформ в области суда и управления) согласно манифесту от 14 декабря 1766 г.

Комиссия состояла из представителей правительственных учреждений и депутатов от различных слоев населения: по одному представителю от Сената, Синода, коллегий, главных канцелярий; по одному депутату от домовладельцев каждого города; по одному землевладельцу от каждого уезда; по одному однодворцу от провинции; по одному депутату от пахотных солдат каждой провинции; по одному депутату от черносошных крестьян и от каждого «народа» из оседлых «инородцев» каждой провинции (итого от каждой провинции — по четыре депутата). Число депутатов от казаков определялось их высшим командованием. Таким образом были представлены все свободные сословия, поскольку в городских выборах принимало участие и духовенство.

Созывая эту Комиссию, правительство, однако, не преследовало цели расширить политические права перечисленных слоев населения. Это было уловкой российского «просвещенного абсолютизма», за которой скрывалось желание императрицы и ее окружения выяснить отношение к правительству различных кругов дворянства и нарождавшейся буржуазии. Для Комиссии Екатериной II был составлен «Наказ», в первоначальной редакции которого отражены идеи европейской просветительской философии XVIII в. (в частности, в области судебного права, которые не были полностью реализованы)³.

³ См.: Наказ Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения / под ред. Н.Д. Чулина. СПб., 1907.

Комиссия не выполнила возложенной на нее основной задачи, но дала обширный материал и выявила настроения сословий по поводу назревшей реформы управления и суда. Отличительная черта этой Комиссии — наказания избирателей, в которых они излагали свои «общественные нужды и отягощения»⁴.

Наказы дворянства по вопросам управления и суда отражали их узкосословные интересы. Дворяне требовали расширения своего участия в местном управлении. «Вопросы о судеустройстве и судопроизводстве» занимали, по справедливому заключению В.Н. Латкина, «одно из самых видных мест в дворянских наказах, что, впрочем, вполне естественно ввиду крайне неудовлетворительного состояния судебных порядков в рассматриваемую эпоху, наглядную картину которых рисуют сами же составители наказов»⁵. По характеру предлагаемых изменений наказания можно разделить на две большие категории. Авторы первой выступали за частичные поправки к существующей системе суда и процесса. Вторая содержала требования уничтожения «всей системы существующего судеустройства и судопроизводства» и создания «совершенно новой».

В целом дворяне выступали за создание выборных дворянских судов.

Депутаты от горожан представили Комиссии наказания, также отражавшие интересы этого сословия, желавшего иметь особое управление и суд.

Наказы казенных, государственных крестьян отражали тяжелое положение этой группы населения. Однако пожелания крестьянства, т.е. примерно половины всего населения Империи, не были учтены в работе Комиссии.

В период работы Комиссии выдающимся русским просветителем Семеном Ефимовичем Десницким, профессором юридического факультета Московского университета, получившем образование в университете в Глазго, было подготовлено «Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи». Это произведение являлось научным трудом, содержащим план государственных преобразований (в том числе и реформы суда), по сути, направленных на ограничение самодержавия⁶.

Проектируя организацию «судительной власти», С.Е. Десницкий в определенной мере использовал английские и шотландские образцы. Предложенный им суд присяжных был аналогичен суду, существовавшему в Шотландии; преобразованием совестного суда (единственное положение «Представления...», отраженное в «Учреждениях для управления губерний»⁷, на основании которого была проведена и реформа суда), являлся английский суд справедливости (канцлерский суд). Предлагая учредить суд присяжных, С.Е. Десницкий писал: «...Для явственной справедливости суда неизменно б было, если б монархи российские благоволили узаконить по примеру английскому выбирать из сорока человек посторонних пятнадцать свидетелей на вспоможение и оправдание судьями при исследовании дел криминальных и тяжёбных...»⁸. Согласно началам теории естественного права, С.Е. Десницкий в примечаниях к переводу книги Блэкстона «Истолкование английских законов» выводит «правила истины» из «свойственности наших чувствований справедливости и несправедливости»⁹.

⁴ Подробнее о работе и наказах Комиссии см.: Латкин В.Н. Законодательные комиссии в России в XVIII в. Т. 1. СПб., 1887. С. 185—521.

⁵ Там же. С. 384.

⁶ См.: Десницкий С.Е. Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи. СПб., 1905. Подробнее о взглядах С.Е. Десницкого см.: История политических и правовых учений XVII—XVIII вв.

⁷ Учреждения для управления губерний Всероссийской империи. Ч. 1: 7 ноября 1775 г.; Ч. 2: 4 января 1780 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. I. СПб., 1830. № 14392 (далее — ПСЗ-I).

⁸ Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. Вторая половина XVIII в. М., 1959. С. 109.

⁹ Там же. С. 251.

Говоря об основах правосудия, С.Е. Десницкий, ссылаясь на положения английского права, указывает, что необходимо «судить по истине и справедливости», а в случае, «когда закон не будет доставать... в таких непредвиденных случаях, позволить судии решать и судить дела по совести и справедливости...»¹⁰. Несмотря на то, что члены Законодательной комиссии не были ознакомлены с проектом Екатериной II, впоследствии в основу раздела о совестном суде «Учреждений для управления губерний» ею были положены идеи, высказанные С.Е. Десницким.

Материалы Комиссии указали правительству направление, в котором должна была проводиться реформа местного аппарата управления и юстиции.

Непосредственным ответом правительства Екатерины II стало издание и введение в действие «Учреждений для управления губерний» — комплексного специального акта, законодательной основы реформы (далее — «Учреждения»). В «Учреждениях» подробно регламентированы организация местных органов управления и суда, их компетенция и функции.

В период подготовки «Учреждений» в правительственных и общественных кругах наметились два направления идей об устройстве управления и суда в России. Императрица и часть ее приближенных теоретически высказались за организацию государственного аппарата на основе принципа разделения правительственной власти. Большинство дворян выступало за создание сословных органов суда и управления. Однако на практике в сфере управления правительство действовало, руководствуясь иными мотивами. Их нетрудно угадать, проанализировав наставление Екатерины II, данное губернаторам 21 апреля 1764 г. Определяющая мысль наставления: губернатор — высшая ступень областной администрации, представитель верховной власти на месте и является «хозяином» и «опекуном» вверенной ему губернии¹¹.

«Учреждения» как основной закон, подробно регламентировавший новую областную систему органов администрации и суда, их компетенцию и функции, состоит из двух актов, или, вернее, двух частей акта, изданных в разные годы, но включенных в «Полное собрание законов Российской империи» под одним номером¹². Первая часть была издана 7 ноября 1775 г., вторая (продолжение первой) — 4 января 1780 г.¹³ Вопросы судебного права рассматриваются в обеих частях.

Суд по-прежнему оставался одним из институтов управления, но одновременно на местном уровне были созданы специальные судебные органы, структурно отделенные от административных. Таким образом правительство предприняло очередную попытку отделить судебную власть от административной, хотя и не вполне последовательно, поскольку сохранялось подчинение по вертикали судебных органов не только вышестоящим судам, но и органам администрации и судебно-административным органам (как по вертикали, так и по горизонтали). Организация судебной системы по «Учреждениям», как обоснованно отмечали дореволюционные исследователи, «представляет собою компромисс между стремлением отделить суд от администрации, создать отдельный суд для каждого сословия и сделать из начальника губернии око и ухо государя, надзор и власть которого одинаково распространяются на все стороны местной жизни».

Формально новая областная судебная система создавалась как самостоятельная, отдельная, существующая параллельно с системой управления в губернии. По общему правилу в губернии были установлены две судебные инстанции: низшая — в уезде, высшая — в губернском городе, что должно было, по идее, приблизить суд

¹⁰ Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. Вторая половина XVIII в. М., 1959. С. 108.

¹¹ См.: Судебная реформа / ред. Н.В. Давыдов, Н.Н. Полянский. М., 1915. С. 199.

¹² ПСЗ-I. Т. XX. № 14392.

¹³ Об этом говорится в примечании к закону. См.: ПСЗ-I. Т. XX. № 14392. Примечание.

к населению. Членами судов были выборные представители местных «обществ». Большинство судов были сословными. Однако появились и общие судебные органы — палаты гражданского и уголовного суда в губернии. Суды в целом оставались коллегиальными учреждениями.

«Учреждения» устанавливали следующие местные судебные органы: 1) губернские — Палата Уголовного суда, Палата Гражданского суда; Верхний земский суд; Верхняя расправа; Совестьный суд; Губернский магистрат; Сиротский суд; городские старосты и судьи словесного суда губернского города (все они «имели заседание и пребывание» в губернских городах); 2) уездные — Уездный суд, Нижняя расправа, Нижний земский суд; городские старосты и судьи словесного суда уездного города; Городовой магистрат или Ратуша; Городовой сиротский суд (их местонахождение и заседание было в уездных городах)¹⁴.

Кроме того, в Санкт-Петербурге и Москве были учреждены Верхний и Нижний надворные суды.

В соответствии с принятым законодателем сословным принципом организации суда, для дворян были созданы Уездный суд и Верхний земский суд. Уездный суд являлся судом низшей инстанции. Он состоял из уездного судьи и двух заседателей, избиравшихся дворянством уезда и утверждавшихся губернатором. В его компетенцию входили гражданские и уголовные дела, произошедшие в уезде. Уездному суду были подсудны также поземельные споры, причем суд обязан был на месте рассматривать дела о спорных межах и границах. Пределы действия уездного суда ограничивались его округом, который, как правило, совпадал с территорией уезда.

Апелляционной и ревизионной инстанцией по отношению к уездному суду был Верхний земский суд. В губернии, в зависимости от ее размеров, могло быть более одного такого суда. Полное присутствие его состояло из двух председателей, каждый из которых назначался императрицей по представлению Сената из двух рекомендованных кандидатов, и десяти заседателей, избиравшихся через каждые три года дворянством губернии. При суде состояли прокурор, стряпчий казенных дел и стряпчий уголовных дел. Этот суд подразделялся на два департамента, в каждый из которых входила половина членов общего присутствия. Первому департаменту поручалось ведение дел уголовных, второму — гражданских. Деление не было жестким, и в тех случаях, когда один из департаментов был перегружен делами, обычно последние могли передаваться в другой департамент. Верхнему земскому суду подчинялись уездные суды, дворянские опеки, земские суды его округа.

Для горожан были учреждены также две судебные инстанции: городской магистрат и губернский магистрат. Городовой магистрат или ратуша являлись низшей судебной инстанцией для городских жителей (жителей посада). Магистрат учреждался в каждом городе, ратуши остались только в посадах. Членами магистрата являлись два бургомистра и четыре ратмана, которые могли заседать в половинном составе присутствия поочередно. Состав городского магистрата избирался городским купечеством и мещанством один раз в три года. Число членов ратуши зависело от количества населения в посаде. Если в посаде проживало менее 500 душ, то население выбирало одного бургомистра и двух ратманов. В большинстве посадов состав ратуш был равен составу аналогичного магистрата. Члены ратуш избирались тем же порядком баллотировки, что и члены магистрата, сроком на три года.

Согласно «Учреждениям», в городах были оставлены суды старост и словесные суды, действовавшие на основании прежних законоположений. Этим судей избирало мещанство и купечество в начале каждого года путем баллотировки. В случае их удовлетворительной службы в течение года они могли выступать в качестве кандидатов в выборах на следующий срок¹⁵.

¹⁴ ПСЗ-I. Т. XX. № 14392. Ст. 412.

¹⁵ Там же. Ст. 277, 282.

Апелляционной и ревизионной инстанцией для городских судов был Губернский магистрат, учрежденный в каждой губернии. В зависимости от размеров губернии могло быть открыто более одного такого суда. В состав Губернского магистрата входили два председателя и шесть заседателей. Председатели назначались Сенатом по представлению губернского правления. Заседатели выбирались губернским городом один раз в три года из купцов и мещан губернского города путем баллотировки. Выбранные кандидаты (в случае отсутствия у них «явного порока») подлежали утверждению правителем губернии или губернатором. При губернском магистрате состояли прокурор, стряпчий казенных дел и стряпчий уголовных дел. Губернский магистрат подразделялся на два департамента: гражданских дел и уголовных дел. Оба имели право рассматривать гражданские дела в случае загруженности департамента гражданских дел.

Губернскому магистрату подчинялись городские магистраты, сиротские суды и ратуши той губернии, в которой он был создан. Ему были подведомственны дела, касавшиеся привилегий, спорных владений или интересов «целого города», или возбужденные стряпчими, а также апелляционные дела, поступавшие из городских магистратов, сиротских судов и ратуш. Пределы подсудности губернского магистрата ограничивались территорией губернии, в которой он был учрежден.

Сиротский суд утверждался при каждом городском магистрате «для купеческих и мещанских вдов и малолетних сирот». В состав сиротского суда входили председатель (городской голова), два члена городского магистрата и городской староста. Городской голова избирался городским обществом на срок три года путем баллотировки, староста избирался таким же образом, но на один год.

Для суда над свободными крестьянами в уездах и губерниях были учреждены две судебные инстанции: Нижняя расправа и Верхняя расправа. Нижние расправы создавались по усмотрению губернатора в тех городах и округах, где проживали однодворцы, «всяких прежних служб служилые люди», черносотшные или государственные крестьяне, а также крестьяне, приписанные к заводам или к «каким ни есть местам». Им были также подсудны ямщики, дворцовые крестьяне и «прочие временно в коронном управлении состоящие». Число учреждаемых судов зависело от численности населения — один суд полагался на 10—30 тыс. человек¹⁶.

Введение в действие «Учреждений» было весьма длительным процессом и потребовало не менее десяти лет, поэтому новые суды были созданы не сразу, а постепенно и еще долго сохранялся старый порядок юрисдикции в отношении этих категорий населения.

В состав Нижней расправы входили расправный судья и восемь заседателей. Расправный судья назначался наместничьим правлением из чиновников. Заседатели избирались селениями, которые составляли округ данного суда, из различных слоев населения — дворян, ученых, чиновников, разночинцев или поселян, удовлетворявших условию «буде за ними нет явного порока». Утверждал их в должности губернатор.

Верхняя расправа учреждалась в качестве апелляционной и ревизионной инстанции для Нижней расправы. В губернии, в зависимости от ее размеров, учреждалось не менее одной Верхней расправы. Ее полное присутствие состояло из двух председателей и десяти заседателей. Расправный судья и заседатели Верхней расправы определялись на должности тем же порядком, что и члены Нижней расправы. При Верхней расправе состояли прокурор, стряпчий казенных дел и стряпчий уголовных дел. Верхняя расправа подразделялась на два департамента: уголовных дел и гражданских дел. В состав каждого департамента входила половина общего присутствия Верхней расправы. Как и в других судах, подразделявшихся на департаменты, департамент уголовных дел мог принимать к рассмотрению гражданские дела.

¹⁶ ПСЗ-I. Т. XX. № 14392. Ст. 335.

Верхней расправе были подчинены Нижняя расправа и Нижний земский суд (в тех случаях, когда в губернии не было Верхнего земского суда)¹⁷. В Верхнюю расправу вносились все дела по апелляции на нижние расправы. Ей были подсудны жалобы и тяжбы селений и жителей, входящих в ее округ, а также уголовные и гражданские дела, относящиеся ко всему селению или возбужденные стряпчими.

Третьей инстанцией для каждой из этих категорий сословных судов были губернские общесословные судебные органы — Палата уголовного суда и Палата гражданского суда.

В соответствии со ст. 106 и 115 «Учреждений» Палаты создавались как органы, тесно связанные с высшим органом отраслевого судебного управления, и как местный отдел этого ведомства: «Палата уголовного суда ни что иное есть, как Юстиц-коллегии департамент...», а «Палата гражданского суда ни что иное есть, как соединенный департамент Юстиц- и вотчинной коллегии...». Заняв место третьей инстанции в судебной системе, Палаты заменили ряд коллегий, которые были упразднены в ходе введения в действие «Учреждений».

С учреждением департаментов Сената, которые подменили коллегии в большей части их компетенции, значение последних как органов управления уменьшилось. С созданием же Палат, в компетенцию которых перешли дела, подлежавшие ведению Юстиц- и Вотчинной коллегий, последние стали не нужны. Эти и другие причины привели к их последующему упразднению.

Палата уголовного суда (как и Палата гражданского суда) состояла из председателя, двух советников и двух ассессоров. Все они назначались Сенатом, председателя в должности утверждал император. Палаты как судебные органы занимали особое положение в судебной системе. Они фактически заменили собой центральные административные и судебные инстанции — коллегии, став во главе местной судебной организации. Вышестоящей по отношению к ним инстанцией был орган высшего суда в Империи — Сенат. Кроме того, их особое положение подчеркивалось специальной компетенцией. Так, Палата уголовного суда ведала должностными преступлениями, т.е. делами, касающимися, в значительной мере, представителей правящего сословия.

Статус новых местных органов, в частности, палат, означал, по сути, децентрализацию судебного управления. Эту характерную черту новой системы управления, установленной «Учреждениями», справедливо отмечали некоторые дореволюционные государствоведы, считавшие, что децентрализация управления привела к необходимости упразднения коллегий¹⁸.

Помимо сословных и всесословных общих судебных органов, судебная система Империи была дополнена судами особенными. К ним относился, в первую очередь, совестный суд.

Совестный суд представляет для исследователей особый интерес, поскольку, во-первых, в процессуальном отношении он был схож с английским канцлерским судом, а во-вторых, потому, что принципы его деятельности в определенной мере отражали соотношение категории права и морали, закона и справедливости. Интерес к этой извечной проблеме в настоящее время не только не угасает, но и приобретает особую актуальность в условиях продолжающихся судебной реформы.

Организация и деятельность суда на различных этапах формирования и развития монархии имели не только конкретное социально-дифференцированное со-

¹⁷ Нижний земский суд осуществлял административно-полицейские функции. В ст. 224 «Учреждений для управления губерний» определялись подведомственные ему сферы: 1) земская полиция или благочиние; 2) приведение в исполнение закона; 3) приведение в действие повелений правления, решений палат и верхнего и уездного суда и чинить отказы». В состав Нижнего земского суда входили земский исправник и 2—3 заседателя. См.: ПСЗ-I. Т. XX. № 14392. Ст. 223.

¹⁸ См.: Алексеев А.С. Русское государственное право. М., 1897. С. 461.

держание, но и отличались особой, присущей только им формой. Ее своеобразие определялось как особенностями национального развития в целом, так местными условиями и обстоятельствами народной жизни, а иногда и иностранным влиянием, проявляющимся и в непосредственном заимствовании правовых форм, и в творческом использовании отдельных элементов чужеродных институтов или идей.

Таким особенным судом был совестный суд, появившийся в России в период просвещенного абсолютизма.

Образцом для создания совестного суда послужил английский суд канцлера (High Court of Chancery), иначе — суд справедливости (Court of equity). Первоначально, при первых норманнских королях, из королевского совета (Curia regis), игравшего роль апелляционной инстанции для всех обычных судов, выделились суд казначейства, суд общих тяжб и суд королевской скамьи. Секретарь королевского совета или канцлер в тот период выдавал лишь указы на разбор дела в одном из судов общего права (Common law) в тех случаях, когда дело могло быть решено в соответствии с нормами общего права. Если дело выходило за рамки, предусмотренные общим правом, канцлер — как должностное лицо, наиболее приближенное к королю, который рассматривался как источник всякого правосудия, — принимал жалобы и челобитные о даровании монаршей милости и защиты. Система справедливости (equity) основана на власти короля решать по своему судейскому усмотрению дела, в частности гражданские. Король рассматривался в данном случае как источник высшего правосудия, получившего название «equity». К нему прибегали в тех случаях, когда нормы Common law не обеспечивали надлежащей защиты.

К XIV в. развивается самостоятельная юрисдикция канцлера, делегированная ему как ближайшему помощнику короля. Ее росту способствовали и крайний формализм норм Common law, и чрезмерная зависимость решений общих судов от прецедентов, и отрицательное отношение судов Common law к римскому праву (в противоположность канцлеру, который как лицо духовного звания был знаком с его нормами и отраженными в нем идеями справедливости, и применял их в своей деятельности). Со времени официального признания суда канцлера (Статут 1394 г.) юрисдикция открыто перешла от короля к канцлеру. Его популярности содействовало и то, что неподвижность форм Common law оставляла без юридической защиты значительную часть гражданских отношений, тогда как «совесть» была призвана обязать канцлера судить согласно законам «разума» и «справедливости» (equity). Таким образом, суд канцлера приобрел в определенной мере права римского претора — как высший суд «по совести». Впоследствии суд канцлера стал основывать свои решения не только на нормах естественного и римского права, но выработал ряд твердых правил, создав особую систему прецедентов.

В эпоху дуализма его компетенция определялась относительно компетенции судов Common law как исключительная в тех случаях, когда защита потерпевшего гарантировалась надежней в Court of Chancery; когда ограниченные процессуальные нормы судов Common law не обеспечивали поиск необходимых доказательств; когда дело не соответствовало подсудности суда Common law или в последнем имелись пробелы. Отличия были также в нормах материального права, особенно в вопросах собственности. Деятельность суда справедливости должна была соответствовать принципам римского права, согласно которым ни одно право не может быть оставлено без защиты.

Канцлерский суд был оседлым судом. Его юрисдикция складывалась исторически; точного разграничения с другими судами не было, но он был преимущественно гражданским судом¹⁹.

¹⁹ См. об этом: *Ефремова Н.Н.* Изменения в судебной системе России в второй половине XVIII в. (Аспекты английского влияния) // *Историко-правовые исследования: Россия и Англия.* М., 1990. С. 23—34.

К XIX в. дуализм судов Common law и Court of Chancery потерял реальное значение, в 1873 г. последний перестал функционировать как самостоятельный орган, превратившись (в связи с проведенной судебной реформой) в одно из пяти отделений королевского суда — High Court of Justice²⁰.

Совестный суд в России, созданный «Учреждениями» для решения отдельных категорий дел, стоял вне общей системы судебных инстанций. Он состоял из назначаемого генерал-губернатором судьи и шести заседателей, избравшихся по два от каждого сословия (кроме крестьян). Кандидаты на должность совестного суда выбирались каждым судебным органом соответствующей губернии и представлялись на утверждение губернатора. Судья должен был обладать следующими качествами: «...способный, совестный, рассудительный, справедливый и беспорочный человек». Заседатели избирались на трехлетний срок и могли принимать участие лишь в делах тех сословий, к которым принадлежали сами. Они должны были быть «люди добросовестные, законы знающие и учение имеющие»²¹.

Совестный суд должен был проводить свои заседания не реже трех раз в году в сроки, установленные для всех прочих судов и дополнительно — «когда дело есть»²².

Совестный суд считался инстанцией, равной палатам, верхним судам и губернским магистратам. Вышестоящей по отношению к нему инстанцией могли быть так и не созданный как постоянное учреждение Высший совестный суд, а также Сенат и император.

Ведению этого суда подлежали гражданские дела, которые могли быть рассмотрены в примирительном порядке и дела: 1) по преступлениям умалишенных и малолетних; 2) о колдовстве; 3) по жалобам за незаконное содержание в тюрьме.

Подсудность совестного суда была определена недостаточно четко. Как и суд канцлера, совестный суд был призван, в частности, решать те гражданские споры, которые не были предусмотрены законом. Предоставляя этому суду право решать дела о колдовстве, закон называет такой вид преступления «глупостью», «обманом» и «невежеством», в чем заметно влияние идей просвещения.

Всесословность совестного суда относительна: хотя дела лиц определенного сословия решались коллегией равных им по сословной принадлежности, однако председательствующим всегда был коронный судья — дворянин, имеющий чин шестого класса.

Совестный суд был призван также обеспечивать процессуальную гарантию прав личности: арестованный должен был в трехдневный срок получить мотивированное постановление об основании ареста и фабулу обвинения. В этом видится сходство со знаменитым Habeas Corpus act, но на практике ст. 401 «Учреждений» не во всем соответствовала упомянутому английскому демократическому институту. В Англии гарантировалась законность задержания подозреваемого в совершении любого преступления, за исключением случаев государственной измены и тяжкого уголовного преступления. В России такая гарантия не представлялась лицам, подозреваемым в совершении большего числа преступлений. Акт о «Habeas Corpus» 1679 г. был известен в России под названием «Акт для лучшего обеспечения свободы подданных и для предупреждения заключения за морем». Он был издан в развитие ст. 39 «Magna Charta», которая указывала, что никто не может быть арестован иначе, как по суду себе равных и согласно законам страны. Акт о «Habeas Corpus» устанавливал определенные гарантии соблюдения этого положения, которые заключались в том, что всякое лицо, задержанное без объяснения причин,

²⁰ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1902. С. 321.

²¹ ПСЗ-I. Т. XX. № 14392. Ст. 63, 396.

²² Там же. Ст. 402.

или любой другой за него может требовать представления его судье, обязанному под страхом штрафа: 1) дать приказ о приводе арестованного «Habeas Corpus»; 2) потребовать объяснений причин ареста; 3) вынести определение о дальнейшей участи заключенного. Суд имел возможность освободить незаконно арестованного на основании акта о «Habeas Corpus»²³.

В соответствии со ст. 401 «Учреждений для управления губерний» всякий подданный, в случае его задержания и содержания в тюрьме более трех дней без предъявления обвинения и без проведения допроса, мог обратиться в совестный суд с соответствующим прошением. В тех случаях, когда он не подозревался в делах об оскорблении императорского величества, об измене, об убийстве, разбое или воровстве, задержанный должен был быть отправлен в совестный суд с описанием обстоятельств дела. Доставка подозреваемого гарантировалась высоким штрафом (по 300 руб. с председателя и 100 руб. с заседателя) в случае неисполнения требования совестного суда более суток. Если совестный суд устанавливал, что содержащийся в тюрьме не обвиняется в вышеперечисленных опасных преступлениях, то он освобождался последним «на поруки». Пока дело не будет окончательно решено, обвиняемого никто не мог повторно заключить в тюрьму.

Если учесть, что срок пребывания в предварительном заключении «Учреждениями» установлен до года (ст. 188, 207 и др.), то весьма существенным и гуманным было предоставление даже такой возможности освобождения от него. Институт отдачи на поруки не является новым для русского права — например, согласно Соборному Уложению 1649 г. он был почти всеобщим способом обеспечения явки подсудимого и ответчика в суд при состязательной процессе²⁴.

Таким образом, совестный суд сочетал в себе функции суда по малозначительным делам, третейского суда и отчасти прокуратуры. Совестный суд в своих решениях мог руководствоваться не только законами, но и «естественной справедливостью».

Статья 397 «Учреждений» возлагала на совестный суд задачу «быть преградой частной, или личной безопасности», а потому принципами его деятельности должны были стать: 1) человеколюбие вообще; 2) почтение к особе ближнего, «яко к человеку»; 3) отвращение от угнетения или притеснения человечества. Для выполнения правила «совестный суд никогда судьбы ничьей да не отяготит» ему было поручено «осторожное и милосердное окончание дел». В соответствии со ст. 400 «Учреждения» решения совестного суда должны были основываться на следующих началах: 1) доставить обеим сторонам законную, честную и «безтяжебную» жизнь; 2) злобы, распри и ссоры прекратить; 3) доставить каждому ему принадлежащее; 4) облегчить «судебные места примирения спорящих лиц».

В тех случаях, когда стороны были недовольны решением, они могли прибегнуть к выбору посредников по одному или два с каждой стороны (причем от этой чести нельзя было отказаться) для рассмотрения своего дела вкуче с совестным судом. Если и в этом составе дело не могло быть решено в примирительном порядке, то сторонам предлагалось обратиться в обычный суд. В случаях недовольства решением совестного суда можно было обжаловать его в «высшем» совестном суде. В качестве высшего совестного суда мог выступать специально организованный суд посредников, назначаемых императором²⁵.

Компетенция суда распространялась на губернию, в которой он был учрежден. Совестный суд являлся инстанцией, равной палате, верхним судам и магистратам («Учреждения для управления губерний», ст. 63, 396—403, 430). Статья 430 про-

²³ См.: Градовский А.Д. Государственное право важнейших европейских держав. СПб., 1895. С. 25.

²⁴ Законность производства арестов и выдачи на поруки родственникам подозреваемых (и обвиняемых) впервые были установлены ст. 70 судебного 1550 г. // Российское законодательство. Т. 2. С. 113, 154.

²⁵ См., напр.: Журнал Министерства юстиции. 1863. Т. XVI. С. 121.

возглашала относительную независимость совестного суда. Совестный суд был подчинен только монарху, «высшему» совестному суду и Сенату.

По мнению дореволюционных русских исследователей, автором главы о совестном суде «Учреждений» был С.Е. Десницкий; ее источником послужило английское право, большим знатоком которого он был. В «Представлениях об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи» Десницкий, ссылаясь на шотландского судью Кемза, писал, что «тяжебные дела... должны судить по правам, по крепостям... и если прав не будет доставать, — по справедливости и истине»²⁶.

Нет сомнения, что в основу деятельности совестного суда законодателем были положены весьма гуманные соображения, которые нелегко было реализовать на практике, хотя ст. 431 «Учреждений» называла его источником, льющим «благодеяния несчастным и бедствующим в роде человеческом». Вместе с тем наряду с декларированием такой гуманной формы процесса продолжала существовать и инквизиционная, присущая большинству судебных органов. Судебная система России в XVIII в. не была единой, а наличие таких специальных судов, как совестный и некоторые другие, делало ее еще более пестрой. Тем не менее совестные суды в России просуществовали около столетия, что объяснялось теми либерально-демократическими началами в организации и процессе, которые были провозглашены при их учреждении. Это доказывало неизменность основных ценностей правосудия: справедливость и совесть есть основные начала правосознания судьи.

Совестные суды предполагалось создать во всех губерниях, поэтому их можно считать относящимися к общеимперской системе. Но были и другие особые суды, территориальная подсудность которых была исключительной и распространялась лишь на дела обеих столиц. Это Верхний и Нижний надворные суды.

Надворные суды разбирали дела лиц, временно пребывавших в Москве и Санкт-Петербурге по военной, придворной или гражданской надобности, а также по собственным делам, касавшихся их промыслов или иных занятий, за исключением должностных преступлений.

В 1782 г. система судебных органов Империи была дополнена созданными в городах управами благочиния. В состав последних входили городничий, пристав уголовных дел, пристав гражданских дел и два ратмана. Ратманы избирались горожанами. В компетенцию управы помимо ведения основных полицейских дел входило рассмотрение маловажных уголовных и гражданских дел (до 20 руб.), а также производство следствий²⁷. Законом, регламентирующим ее организацию и деятельность, был Устав благочиния или полицейский, утвержденный 6 апреля 1782 г.²⁸ Этот документ примечателен тем, что содержит раздел «Наказ управе благочиния», излагающий нравственные принципы, которыми должны были руководствоваться члены управы в своей деятельности. Они разительно отличались от всех других положений законодательства XVIII в. своей гуманностью и демократичностью. Наказ состоит из трех разделов — «Правила добронравия», «Правила обязательств общественных» и «Качества определенного к благочинию начальства и правила его должности».

Изложенные в форме мудрых афоризмов, «добрых отеческих» наставлений, основанные на нормах христианской морали, они носили характер проповеди социального мира и общественного консенсуса, отвлекая от социальной борьбы. В этом смысле «Наказ управе благочиния» являлся типичным плодом политики просвещенного абсолютизма. Нормы, им пропагандируемые, оставались чисто

²⁶ См.: Десницкий С.Е. Указ. соч.

²⁷ ПСЗ-И. Т. XXI. № 15379. Ст. 2, 29.

²⁸ См.: Российское законодательство. Т. 5. С. 321.

декларативными. Тем не менее хотелось бы привести некоторые из них, имеющие отношение к лицам, облеченным судебной властью. Так, по мнению законодателя, «начальство» благочиния должны были характеризовать следующие качества: «1) здравый рассудок; 2) добрая воля в отправлении порученного; 3) человеколюбие; 4) верность к службе императорского величества; 5) усердие к общему добру; 6) рачение о должности; 7) честность и бескорыстие». «Начальство» призвано было обеспечивать «правый и равный суд всякому состоянию», давать «покровительство невинному и скорбящему». При этом «начальству» предписывалось воздержание от взяток, «ибо ослепляют глаза и развращают ум и сердце, уста же налагают узду»²⁹. Для сравнения хотелось бы напомнить, как боролось законодательство (при том же авторстве) с взятками в 1763 г.: «Если б ж кто... отважился коснуться лихоимству, взяткам и подаркам к отягощению... подданных, или просителей, по делам стал утеснять, таковой нечестивый и неблагодарный и яко заразительный член обществу, не только из числа честных, но и из всего рода человеческого истреблен будет»³⁰.

Одновременно с созданием новых судебных органов «Учреждениями» была реорганизована прокуратура, являвшаяся одним из институтов судебной системы Империи. Прокуроры были учреждены при губернском правлении, Верхнем земском суде, Губернском магистрате и Верхней расправе. Прокуроры при местных судах подчинялись прокурору при губернском правлении, губернскому прокурору. Губернский прокурор находился в двойном подчинении: генерал-прокурора и генерал-губернатора (или губернатора). «Учреждения для управления губерний» создавали довольно стройную систему прокуратуры, основанную на строгой иерархии, однако с двойным подчинением.

При прокурорах состояли стряпчие уголовных дел, помогавшие им в осуществлении надзора за судами. В сословных губернских судах также имелись стряпчие уголовных и казенных дел. В уездах учреждались уездные стряпчие, которые осуществляли надзор за уездной администрацией и судом. Стряпчие являлись помощниками прокуроров и составляли наряду с ними коллегию. Слово «стряпчий» старое. В Московском государстве в XVII в. оно означало не должность, а чин — один из пяти, учрежденных для придворной и иной государственной службы. Чин стряпчего произошел от прежнего одноименного придворного звания, которое носило лицо, ведавшее «стряпней» — государевым одеянием. Этим званием обычно награждали за гражданские заслуги.

Петр I употреблял это слово в законодательстве в значении «заботящийся», например, в ст. XI Указа «О должности генерал-прокурора» от 27 апреля 1722 г. говорилось: «И понеже сей чин — яко око наше и стряпчий о делах государственных»³¹.

«Учреждения» следующим образом определяли компетенцию губернского прокурора и губернских стряпчих — они «смотрят и бдение имеют о сохранении везде всякого порядка законами определенного, и в производстве и отправлении самых дел. Они сохраняют целость власти, установлений и интереса императорского величества, наблюдают чтоб запрещенных сборов с народа ни кто не собирал, и долг имеют истреблять по всюду зловредные взятки»³².

На прокуроров возлагался и общий надзор, и надзор за местами лишения свободы. Помимо надзорных функций прокуроры получили право налагать штрафы за беспорядки в суде, причем часть от этих доходов они могли обращать в свою

²⁹ См.: Устав благочиния или полицейский. СПб., 1782. Ч. 1. Разд. Д.

³⁰ См.: ПСЗ-I. Т. XVI. № 11989.

³¹ См.: *Воскресенский Н.Я.* Законодательные акты Петра I. М., 1945. С. 308—311.

³² ПСЗ-I. Т. XX. № 14392. Ст. 404.

пользу³³, что, по-видимому, должно было стимулировать их правоохранительную деятельность и повышать бдительность в соблюдении законности.

Общая дореформенная судебная система России не знала института адвокатуры (адвокаты были на Украине; в местностях, где действовало магдебургское право; в Прибалтике, где сохранялись судебные органы шведского и немецкого образца), однако губернские и уездные стряпчие выполняли функции, сходные с некоторыми обязанностями адвокатов. Они могли выступать защитниками и ходатаями по делам несовершеннолетних, обществ, монастырей, церквей, архиерейских домов³⁴. Эти поверенные выступали по доверенности.

Высшим судом в государстве оставался реформированный в организационном отношении Сенат.

Подводя итоги, следует отметить, что в соответствии с «Учреждениями», была создана судебная система, которую характеризуют следующие черты: более последовательно, чем при Петре I, проводился принцип отделения судебной власти от административной, что обеспечивалось созданием параллельно функционирующих систем местных административных и судебных органов.

Суд уголовный отделился от суда гражданского на уровне всех инстанций (за исключением низших).

Во всех губерниях (за исключением территорий, именуемых «национальными окраинами») были введены единообразные судебные органы, что позволяло установить общий порядок делопроизводства и строгую иерархию судебных инстанций.

Суд оставался преимущественно сословным. Судебные органы были построены на коллегиальных началах.

Следствие отделили от суда, передав его в ведение полиции: в городах — управлам благочиния, в уездах — нижнему земскому суду с исправником во главе. Сохранялось отправление правосудия рядом административных учреждений.

Единой судебной системы, однако, не было создано. Общеимперская система дополнялась системами, существующими в ряде нерусских областей³⁵.

Сохранялась особая юрисдикция в отношении крепостного крестьянства. Право суда над ними принадлежало помещику, за исключением особо тяжких преступлений. Дискреционной властью помещика в его имениях могли создаваться локальные системы суда и управления. Их органы могли быть двух типов: назначаемые помещиком управляющий-приказчик (бурмистр) либо староста, или органы мирского самоуправления, его старосты, целовальники, избираемые миром. Все это лишало судебную систему Империи единства, делало ее пестрой и громоздкой. Однако в условиях сословного строя были обеспечены принципы внутрисословного формального равенства, а для населения национальных окраин — принцип доступности правосудия. Это отражало определенный уровень совершенствования последнего.

В целом созданная «Учреждениями» судебная система была ликвидирована в ходе судебной реформы 1864 г., когда вновь правительство предприняло очередную, более последовательную и удачную попытку сформировать судебную власть. При этом «отцы» судебной реформы, разработавшие новые основы судебного права, учитывали как отечественный, так и зарубежный опыт. Свидетельство тому — содержание 74 томов «Дела по преобразованию судебной части в России», собранных С.И. Зарудным. Такой плодотворный метод помог создать выдающиеся акты эпохи — «Судебные Уставы» 1864 г., основанные на прогрессивных,

³³ ПСЗ-I. Т. XX. № 14392. Ст. 410, п. 2, 7.

³⁴ Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 1—74. 1857—1861 / ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Русский фонд. Т. 1. 1857—1860. С. 2.

³⁵ См., напр.: *Ефремова Н.Н.* Судостроительство национальных окраин России: множественность и единство организации имперского правосудия (XVIII — первая половина XIX вв.) // Правовые идеи и институты в историко-теоретическом дискурсе. М., 2008. С. 181—189.

либерально-демократических, цивилизованных принципах (хотя, как оказалось, не вполне соответствовавших политической системе абсолютистско-самодержавной России). Это обрекло судебную реформу на поэтапный порядок проведения, а в скором времени — и на деформацию ее основополагающих принципов.

Новая судебная система заменила ту, что была учреждена в ходе губернской реформы Екатерины II, а затем частично упрощена в результате преобразований Павла I и Александра I (упразднившего систему нижних судов).

В ходе реформы 1864 г. была создана принципиально новая судебная система, соответствующая в своей законодательно установленной модели современным представлениям о правильной организации правосудия, т.е. извечной цели и, по сути самостоятельной ценности, достижению которой служили все предшествующие реорганизации суда. Другой целью «отцы» судебной реформы считали проведение в соответствие основных принципов и новой формы судебного процесса, и новой системы судоустройства.

Один из авторов «Судебных Уставов» С.И. Зарудный так выражал эту идею: «Судоустройство есть орган, коим приводятся в действие правила судопроизводства, и потому самое устройство судов должно быть последствием основных начал, принятых в судопроизводстве. Основное начало всякого правильного судопроизводства состоит в том, чтобы каждое дело не проходило более двух инстанций, т.е. двух степеней суда. Недостаточность одной инстанции признана вековыми опытами Европы, а бесполезность 10 и даже 12 инстанций лучше всего доказывает опыт России»³⁶.

Применение «Судебных Уставов» встретило серьезные проблемы.

В частности, суд присяжных — одно из достижений судебной реформы — с трудом укоренялся в России. Тем не менее его создание представляло собой уникальный и смелый опыт решения жизненно важных вопросов человеческого бытия. Это было принципиальное демократическое нововведение, призванное решительно покончить с инквизиционным процессом дореформенной юстиции, ее судебским произволом. Дополнение «коренного», профессионального окружного судьи коллегией присяжных заседателей воплощало соединение двух начал: публично-правового и народного, или государственного и общественного. Разумеется, этот дуализм не является специфически и генетически российским, он свойствен многим правовым системам. Но формы участия общественности в отправлении правосудия каждый народ выбирает свои, особенные, отдавая предпочтение либо суду присяжных, либо суду шеффенов, т.е. такому варианту, который в большей мере отвечает его правосознанию, социально-политическим реалиям, культурным традициям.

В ходе российской реформы позапрошлого века была выбрана модель суда присяжных, в известной степени сходная с английской и отчасти французской. Противники его введения в качестве одного из доводов «против» приводили чужеродное происхождение суда присяжных. Однако известно, что народное представительство в российском суде имеет глубокие исторические корни. Первоначальным субъектом правосудия в раннем русском государстве был народ, а точнее домохозяева (домовладыки), участвовавшие в вечевых собраниях. Известен вечевой суд в Новгородской и Псковской республиках. Эта одна из форм участия общественности в отправлении правосудия, существующая наряду с судом князя, или, как во втором случае, князя с посадником. Со времен «Русской Правды» с развитием княжеской юрисдикции, когда в центре судьями выступали князья со своими помощниками-тиунами, а на местах — княжеские наместники и волостели, участие общественности было представлено выборными от населения (судными мужами). Таким образом шло оживление народного правосудия, и князья старались внести

---

³⁶ Российское законодательство. Т. 9. С. 2.

определенные гарантии единообразия и правильности в судебную деятельность представителей княжеской администрации: выборные от населения выступали выразителями и защитниками народных представлений и справедливости. (Интересно, что в русском языке, как и некоторых иностранных, слова «правда», «справедливость», «право» созвучны, имеют общий корень.)

Позднее, в середине XVI в., реформой Ивана Грозного суд наместников и волостей был дополнен включением выборных от общин: старост и целовальников, с одновременным ограничением компетенции кормленщиков (назначаемых царем агентов). Судебные функции были поручены новым представительным органам — выборным губным и земским избам. В процессе ранних реформ Петра I последние будут упразднены (1699 и 1702 гг.) и заменены судом воевод, назначавшихся правительством. Однако и суды воевод должны были вершить суд с участием городских дворян, избравшихся местными феодалами. Известны и другие формы участия в суде представителей народа. Екатерина II, проводя в 1775—1780 гг. судебную реформу, дополнила судебную коллегия профессиональных «коронных» судей выборными сословными заседателями. Широкое представительство свободного населения в сословных судах было основным достоинством той судебной системы, которая просуществовала до судебной реформы 1864 г.

Таким образом, участие непрофессионального, народного элемента в отправлении правосудия традиционно сохранялось в России в течение всего феодального периода ее развития, хотя и в различных формах, подвергавшихся постепенной последовательной модификации, при изменяющемся соотношении публичного и общественного элементов в организации правосудия. Тем не менее эта демократическая традиция не прерывалась. Следует отметить, что исторически изменялась не только форма организации общественного элемента в суде, но и его функциональная роль. В одних случаях представители выступали в качестве оппозиции официальной судебной власти, защитниками интересов общества и его конкретного члена — подсудимого — от судебного произвола государства, в других случаях — наоборот. Здесь уместно вспомнить малоизученный в нашей историко-правовой науке институт «облихования», в известной мере являющийся отечественным аналогом Большого жюри в англосаксонской системе права. Согласно ст. 52 Судебника 1550 г. процедура «облихования» предусматривала обвинение подозреваемого в первой краже с поличным со стороны 15—20 добропорядочных с точки зрения законодателя, «лучших» людей посадской или крестьянской общины. Признав подозреваемого «лихим человеком», т.е. правонарушителем, преступником, представители местного населения обрекали его на розыскную форму процесса, в частности, на пытку. По ее результатам выборные губные органы в случае признания подсудимого выносили смертный приговор, а при отсутствии признания назначали наказание в виде пожизненного заключения³⁷. Эти общественные обвинители несли коллективную ответственность за ошибки³⁸. Если же подозреваемого признавали «добрым» человеком, процесс по делу проходил в состязательной форме.

Оценивая эту процессуальную процедуру и роль в ней представителя общественности, следует отметить интересное мнение, высказанное В.Д. Роговым: «В правосознании того времени “лихие” люди мыслились как антагонисты всего государственного уклада; они — вне общества»³⁹. Следовательно, здесь общество солидарно с государством. Если же мы вспомним процесс Веры Засулич, то представится прямо противоположная картина: деяние против порядка управления не убедило присяжных заседателей в виновности революционерки, она была оправдана.

³⁷ См.: Российское законодательство. Т. 2. С. 106—107.

³⁸ См.: Рогов В.Д. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV—XVIII вв. М., 1995. С. 66.

³⁹ См.: Там же.

В целом суд присяжных заседателей, созданный в ходе судебной реформы 1864 г., был прогрессивным либерально-демократическим нововведением, призванным покончить с дореформенным судебским произволом и инквизиционной формой процесса.

Суд присяжных, воплотивший такие ценности правосудия, как принципы гласности, устности и состязательности, был выразителем общественного понимания справедливости. Основными ценностями суда присяжных, несомненно, являются его неподкупность и беспристрастность, подлинная независимость и способность формировать и развивать правовую культуру населения. Ценность, социальная полезность этого института правосудия подтверждается и его традиционностью, длительностью истории, использованием различными народами. Его истоки — афинская гелиэя, суд центуриатных комиций Рима, средневековый английский классический вариант Малого жюри, их аналоги в романо-германской, англосаксонской и российской правовых системах. Однако не все политико-правовые системы способны воспринять эту демократическую форму правосудия; данное высказывание подтверждается историей советского суда, воплотившего иную цель взаимодействия и иную пропорцию общественного и государственного элементов в организации правосудия.

В созданном в ходе судебной реформы 1864 г. окружном суде с участием присяжных заседателей публичное начало в лице коронного судьи было призвано обеспечивать общий интерес всех подданных в каждом конкретном деле. Народное же начало — присяжные — обеспечивало юстиции демократическую форму реализации власти. Представители народа могли внести в суд свежесть, живой реалистический взгляд на действительность; они могли не ограничиваться формальным уяснением буквы закона, стремясь примирить требования абстрактно выраженной в правовой норме правды (юридической истины) с подлинностью жизни, индивидуальностью случая, конкретной личностью, в конечном счете — со справедливостью.